

«БОГ ПРИСТАНЕТ И ПАСТЫРЯ ПРИСТАВИТ»

*Машины сравняли неравенство талантов и дарований,
и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности.*

Н. С. Лесков «Левша»

◆Одиннадцатиклассник Димон Третьюхин провел весенние каникулы в Москве в семье дяди, материного брата Константина Ильича. Семьи их еще не раздружились, как то бывает обычно между родственниками, живущими в столице и хотя в ближней, но в провинции. Особенно в нынешнее, разъединительное для людей время. Дело в том, что всего полтора года, как Константин Ильич, коренной тулуповец, служивший в областном следственном комитете, получил полковничью папаху и был переведен в Москву. Как он сам под хмельком за праздничным столом говорил, ничтоже сумняшеся — «в порядке передислокации кадров, чтобы не прикармливались особо на кумовских местах».

А с двоюродным брательником Сашком, ныне первокурсником юридического факультета первостатейного столичного вуза, они в Тулуповске и вовсе в одной школе учились с разницей в один класс, крепко дружили и друг о друге за глаза и в глаза говорили: «Он мне двоюродный, но лучше чем родной». Уже освоившись с московской житухой, Сашок весь уходящий учебный год, последний для Димона, зывал брата на все каникулы «приобщиться к цивилизации». И Константин Ильич, когда служба позволяла успеть к домашнему ужину и пересечься в племянником, если того Сашок не увлекал в тот день до начала ночи на тусовку, воспитательно намекал Димону, что-де «у меня растут года», будущую кормовую профессию на финише школьных лет и вовсе пора в определенность переводить. «Бог пристанет и пастыря приставит»,— обращался он к племяннику с деревенской мудростью, ибо он, как и мать Димона, в первом поколении являлись городскими жителями, помнили еще сельскую образность мышления под разговор... и добрую стопку, разумеется.

— Я к тому, Дима, речь склоняю, что и твои мать с отцом не против, а я и вовсе... вот и Сашок поддержит — бери курс на юстицию. В наше славное время, будь не к ночи оно помянуто, по-евангельски не наживешь палат каменных трудом праведным. Нет, конечно, против морали, особенно сейчас, когда гайки по всей «вертикали» накрепко закручены и даже насечкой застопорены, идти не следует. Но быть юристом, лучше адвокатом, депутатом каким-никаким все же надежнее, чем в сомнительное по определению в нашей стране предпринимательство встраиваться. А другие рода занятий? — Наука... сомневаюсь, что таковая серьезная осталась. Учительство в школе или в университетах, инженерство — все, все как-то смято и унижено в социальном плане. Так что, дорогой мой, вот бог к тебе всех твоих родственников в пастыри при-

ставил! И все к одному склоняются: давай и в твоей родственной ветви продолжим нашу юридическую династию! Давай-ка по пятнадцать капель, братья.

Закусив — и в этом не совсем еще отошел от родной деревни — соленым огурчиком домашнего приготовления, пару трехлитровых банок которых мать всегда навязывала ворчащему Димону при поездке в Москву, Константин Ильич окончательно вошел в роль богоданного пастыря — уже с четким, юрист ведь! расписанием по графам и разрядам:

— Опять же и ни на грамм хлопот с учебой, две остановки троллейбуса от дома до корпуса *нашего* политеха тулуповского, в котором юридическое отделение располагается... — с наблюдательностью матерого следователя подметив, как братья переглянулись, оговорился, — нет, нет, не думай даже, что отлуп тебе даю от Москвы! По моей должности мне пятихатка полагается. Вот еще годок «испытательного срока» и переедем — приезжай и живи не хочу! Просто, специфика *нашего* образования такова, в отличие, например, от физико-математического, медицинского и прочего, где важна традиция и преподавательские кадры, что римское право, лежащее в основе русской, потом советской, а ныне российской законности, создано латинянами абсолютно логично, просто и на все последующие века и тысячелетия. Ни убрать, ни прибавить. Другое дело — наша русская специфика практики, это где законы что дышло... Ну-у, это в образовательный курс не входит. Так что, если желание учиться имеется, память — а она у тебя недурственная! наличествует, левое полушарие головы, где логика сидит, соображает, то неважно где юриспруденцию постигать: в Москве, в Тулуповске, в Лондоне, куда мои высокопоставленные подследственные своих балбесов посылают. Хоть в Замухрайске на базе бывшего педучилища, ныне университета. Владимир Ильич Ленин и вовсе самолично, будучи изгнанным из Казанского же, но настоящего, не замухрайского! университета, все науки юридические изучил и экстерном сдал экзамены на присяжного поверенного, адвоката по-нынешнему. А практику осваивал в подполье и революциях.

Димон не мог не согласиться с юридически четкими, но и доходчивыми доводами полковника юстиции. И Сашок согласно кивнул головой.

— Вот я и говорю, ребята, не в обиду вам, да и мне самому будь сказано, что юриспруденция на базе римского права есть не творчество и не научно-прикладная отрасль. Это необходимый объем твердых, логически оформленных знаний, а потом работа, работа... работа до седьмого пота. Зато полная определенность в жизни. И здесь не имеет никакого смысла искать вуз попрестижней. Опять же — латинян древних в сочиненном ими праве не переплюнешь! А вопросов-сложностей с поступлением в Тулуповске у тебя никаких. Учишься ты хорошо, эту самую *ege* — обить твою-жесть без труда осилишь. Да и фамилию мою назовешь, помнят меня в городе черти, откозыряют тебе на факультете.

Разохотившись — день пятничный, уикэндový, — полковник опрокинул еще стопку, закусил сестринским, с дачи, огурчиком, продолжил пастырство:

— И не вбивай в голову, племяш, что-де юричество наше есть не творчество, не наука, не полезные ремесла всякие, а сугубая практика исполнения закона. Да, мы не поем по праздникам «не кочегары мы, не плотники», хотя подхалимы всякие из артистов десятого ноября на День милиции, то бишь сейчас полиции — скажи я это слово в деревенском детстве в одобрительном смысле, так дед Егор меня бы арапником через спину протянул; меняются на глазах временные ориентиры! — много всяких похвальных песенок споют... даже с пританцовкой и коленцами с выходом. Практика и есть практика, повторюсь. Потому и имен громких в нашей среде почти не имеется. Из позапрошлого века только адвокаты Кони и Плевако разве? Да оберпрокурор синода Победоносцев, но это больше по духовной части. Из советского времени Дзержинский с Менжинским, наркомы от Ягоды до Лаврентия Павловича — но сейчас все они в ничтожество сведены; тот же Вышинский, что на Нюрнбергском

процессе от СССР председательствовал. Вот и все: если слава, то глухая и порой сомнительная. И срам девяностых годов. Мы по определению есть трудовые винтики механизма закона. А таковая машина неумолимо сравнивает всех ее тружеников. Получается, что нет разницы между этими людьми, талант здесь излишен! Даже число звезд на погонах есть не признак неравенства, но токмо отметка практических заслуг. Исполнительный, аккуратный в поведении и ведении дел сотрудник быстрее и «звездится». Самое же существенное, что и во всей современной жизни, а чем дальше, тем все быстрее и явственнее, все меньше места остается талантам, дарованиям всяким — творческим художественным и научным. И что это значит? — А то, что наша юридика уже не белая ворона на фоне остальных жизненных занятий и устремлений, но все и вся семимильными шагами в период глобализации, дурацкий термин! вливаются в рамки жесткой «машинной» логики. Как придуманное древними римское право.

♦ Димон всю эту неделю московского пребывания, слушая здравые рассуждения Константина Ильича и оптимистические планы Сашка, чувствовал себя в положении того киногероя из случайно просмотренного по телевизору древнего совкового фильма, что кричал с обидой: «Чего это вы, товарищ парторг, меня за советскую власть агитируете!» Он и сам уже с прошлого года, имея пример успешной карьеры дядьки, а потом поступления Сашка на юрфак, все более склонялся последовать примеру их обоих. А с кого еще этот самый пример брать? Отец, правда, конструктор, недавно стал начальником отдела на одном из немногих сохранившихся в городе военных научно-исследовательских предприятий, а теперь, когда, по его слова, «в стране поняли, что зад надо чем-то прикрывать», заметно ожившем. Но всю жизнь, да еще с накануне чемпионата по футболу повышенным пенсионным возрастом, монотонно, с утра до вечера за забором с вахтерами на проходной ломать голову — по отцу же и знал — над формой зацепа пружины автоматической пушки? Опять же при его довольно холодных отношениях с точными науками, да еще шесть лет, вместо обычных пяти, учиться на военно-техническом факультете их универа? — Избавьте. Тоскливо при соблазнах, правда, почти недоступных, нынешней образцово-показной жизни. И уж не хлопотунья мать пример, что при совке на счетах и арифмометре «железный Феликс» начинала свою заводскую жизнь в финансово-бухгалтерской службе, а сейчас на компе те же самые сальдо-бульдо считает в почти что скобяной мастерской, оставшейся от приватизированного завода, распроданного новыми хозяевами на металлолом китайцам.

Бизнес? — Нет этой традиции в их родстве. Здесь хотя бы отца завбазой овощной или продавщицу мать надо иметь. В школах на уроках биологии пожилая, очень умная по части генов учительница все на месте в его голове расставила. А против биологии не попрешь. Да и опоздал он с годом своего появления на свет — другое бы дело «лихие девяностые», там пан или пропал. Сейчас же время совершенно иное, устаканенное, «олигархическое с толерантным лицемерием», — как говорит Петька Подшибякин, одноклассник и функционер городской комсомольской организации. Ему-то, Димону, глубоко плевать с телевизионной вышки, что на южной окраине города, но все эти олигархизмы, капитализмы и пройденные, как классы школы, социализмы. Против лома нет приема, говорит отец, когда мать по-бабски малоразумно вздыхает по советской старине: пенсия в пятьдесят пять лет, колбаса и пельмени из мяса, молоко от коров, а не с китайского завода пищевой химии, бесплатное лечение и образование... А у Димона в классе, исключая Петьку Подшибякина и еще двух ребят с родительскими магазинами, все такие же поплевысты — поплевывают с телебашен. Впрочем, каждый со своей, индивидуальной. Время такое обособленное, все против всех, а каждый только за себя.

...Впрочем, с начала одиннадцатого класса все эти рассуждения приобрели для Димона этакую абстрактную второстепенность: с некоторым запозданием, явно по наследству от деревенских предков, что крепки задним умом, доставшимся, все по-

теснила влюбленность. Но и здесь все как-то ни шатко, ни валко шло. В первой четверти, по волнующей золотой осени с ее вечерними дымками и острыми запахами увядающей листвы в парке вроде бы сдружился с Златой из параллельного класса, но все и ограничилось этими прогулками по парку и парой посиделок в недорогом кафе. Все ему казалось, что она вроде присматривается к нему. Видать, не приглянулся: без объяснений, легко, как сигарету выкурить, перешла Злата к другому, мажору в своем классе. Петька Подшибякин разъяснил ему с комсомольских, классовых позиций: «У Златки, Димон, папаша, на паях правда, двумя автозаправками владеет. Так сказать, купец третьей гильдии. А у тебя папа-мама кто? Вот и подели и умножь в своей голове. Сейчас, в эпоху торжества мелкобуржуазного частнособственничества, даже на нижних его ступенях деток своих, особенно девиц, сызмальства приучают избегать мезальянса. Как это ни смешно, но *олигархерам* и мелочные торгаши подражают! Осталось только таким как Злата с началом полового созревания постоянно носить с собой как его... слово такое полуматерное есть: хештег или херштег с надписью: «Знакомлюсь и совокупаюсь с серьезными намерениями только с успешными парнями с доходом не менее 10000 USD в месяц». Ха-ха-ха, Димон, не бери в голову! Найдешь себе пару по размеру...».

Вот после новогодних каникул потянуло его к Ксюше, однокласснице, но только в прошлом году в конце десятого класса перешедшей к ним из другой школы и вообще из другого, районного города — родители переехали в областной центр. Здесь бы и Петька Подшибякин не отыскал «классового неравенства». Она не отказывалась встречаться наедине — у семейства Димона имелась пустующая однокомнатная квартира — чье-то родственное наследство его матери. В наем ее не сдавали, дескать, всех денег не заработаешь, а хлопот со сдачей в наше воровское время не оберешься, рассуждали мать с отцом, налетишь и вовсе лишишься! Знал Димон, что квартира эта (имелась еще сестра-восьмиклассница) предназначается ему при женитьбе. Вот и с Ксюшей там уединялся. Но и у той свои повадки, явно от «уездного воспитания» матерью, учительницей, да еще словесницы. На романах дочь выросла.

И винца с ним выпить «для расслабления» не отказывалась, очень танцевать под лирическую музыку любила, а на диване, раскрасневшись, умеренно возбуждалась, даже постанывала в объятиях расходящегося Димона, но... объятиями, поцелуями, частичным раздеванием диванные дела и ограничивались. Даже усмехалась: «Димочка, не торопись, ведь не на поезд опаздываешь!» Димон умеренно раздражался. Тем более, в десятом классе после опять же новогодней вечеринки уже имел одноразовую постельную связизу с почти незнакомой девицей не из их школы. После случайной встречи на улице, спокойно оба говорили «привет!» и не останавливались.

«Что за динамика? — размышлял он после очередного «уик-энда» на *своей* квартире, — чего она тянет? Бойтся что ли? Или мама со своей русской словесностью в районном городке так настропала?» И он близок был к догадке. Перед самой поездкой на весенние каникулы к московским родичам, как-то бездумно валяясь на диванчике в своей комнате — а дома никого не случилось, тишина, — услышал он через тонкую, не капитальную стенку из соседней квартиры литературную запись рассказа Бунина «Натали». Он знал, что дед, патриарх соседского семейства, отставной профессор педуниверситета, хворал глазами, поэтому составил себе фонотеку записей русской классики. К тому же, будучи и глуховатым, включал на полную громкость в своей, смежной с димоновской, комнате. Так что тому даже и прислушиваться было не надо.

...И вот, слушая рассказ Бунина о любовных похождениях студента, в летние каникулы навещавшего родственное помещичье семейство с дочерью, только что окончившей гимназию, то есть двадцатилетней, уже «похожей на молодую, только что вышедшую замуж женщину», Димон уже с конкретным интересом слушал сцены ночных свиданий в отведенной студенту комнате, где «она уже позволяла всю себя целовать, но только целовать». Наконец она все же сказала: «Возьми меня, *всю* возьми!» ...К сожалению для них здесь им помешали.

«Так значит это все же обычная женская манера — подинамить вволю, а затем сблизиться,— усмехнулся Димон,— значит, подыграем и своего дождемся! Даже пикантно, что Ксюша не стандартная «трахалка», а с правильным воспитанием».

...Словом, роман с Ксюшей развивался по законам русской литературной классики, суля не мимолетное, но осмысленное, все более и более развивающееся чувственное удовольствие, возможно, перерастающее в искреннюю любовь? А любовь, как известно, все житейские перипетии, включая насущный выбор будущей профессии, отодвигает на неясное будущее.

♦Проводили уезжающего Димона по-московски. То есть супруга семейства чмокнула племянника и вручила — алаверды за соленые огурцы прошлогоднего урожая и пару литровых банок домашнего же варенья — пакет с московскими сувенирами. Обнялся с Сашком, извинившимся: срочно нужно, хотя и близко к вечеру, в универ, все же староста группы. А Константин Ильич на служебной машине с водителем довез его до Курского вокзала, дружески распрощался, вежливо выйдя из авто: «Ну-у, племяш, вижу ты уже морально готов к юридической карьере. Сложности — мало ли что? возникнут с поступлением — сразу звони. Урегулируем тотчас».

Прогуливаясь по перрону в ожидании вечернего экспресса — следующей до Тулуповска безостановочной электрички,— Димон увидел знакомую фигуру: этого красавца лет тридцати с небольшим, с мягким, доверительным взглядом карих глаз, с д'артаньяновской (так решилось; вроде как д'Артаньян безбородый?) аккуратной бородкой и усами, достаточно щегольски одетого, хорошо сложенного для своего среднего роста, он не более как пару месяцев назад видел на факультете с юридической специальностью — в воскресенье ходил туда на день открытых дверей. Представляя собравшимся в большой аудитории школьникам, среди прочих преподавателей, заведующий кафедрой, обращаясь к «нашим будущим коллегам», рекомендовал д'артаньяновца: «...А вот наш доцент, кандидат юридических наук Юрий Николаевич, являет собой замечательный пример плодотворного сочетания вузовской науки и практической адвокатской работы. Прошу любить и жаловать, когда мы с вами, вне всякого сомнения, встретимся в начале сентября месяца этого года!»

...Причем красоватый Юрий Николаевич не в одиночестве, как Димон, ожидал покойного в малом комфорте и скорого в движении экспресса: он беседовал с молодой, студенческого вида девушкой, не то что яркой красавицей, но с теми своеобразными фигурой, лицом и прической, что девушки моделируют на себе в период начала первой молодости, примеряясь к искусству обольщения с маской почти что невинных представлений о жизни вообще. Что-что, но уже имея какой-то опыт с Яной и Ксюшей, Димон, хотя бы и не в такой словесной интерпретации, грубовато проще, уже разбирался во внешнем виде девиц. Студенток тем паче.

По всей видимости, д'артаньяновец Юрий Николаевич, как человек компанейский, тем более препод и адвокат, любящий покрасоваться в среде молоденьких студенток, только что и завел на двухчасовую дорогу благодарную, пикантную по юной свежести слушательницу и спутницу. Здесь подали состав. Димон и отмеченная им парочка вошли в напротив их остановившийся вагон. Не имея никакой цели, Димон, поскольку входил за ними, и сел в кресло, из числа стоявших попарно, с удобными высокими спинками, так что не видно ни впереди, ни позади сидящих, за сдруживающейся парочкой. Состав тихо тронулся. Кресло рядом с Димоном осталось незанятым, поэтому он совершенно по-домашнему, не торопясь, выпил банку пива, пару которых всунул в материну сумку «с сувенирами» Сашок, мол, чтобы в дороге не скучал. От пивка, тем более под уходящий в темнеющий вечер законный вид, хорошо нагретого вагона, не более чем наполовину занятого пассажирами без гомона и шумных разговоров, Димона не то что в сон потянуло, но в приятнейшую дремоту завершающего свое путешествие странника. Спинки кресел полностью закрывали впереди сидящих, но в тишине вагона их разговор, по преимуществу рассказы Юрия Николаевича, отчетливо втекали в Димоновы уши.

— ...Вы, наверное, Юрий Николаевич, очень заняты в университете? Сложно ведь совмещать с работой адвоката, да?

— Да нет, Юлечка, я в университете больше для души, что называется, для разнообразия, наконец, для своего рода отдыха — ведь знаете? Лучший отдых — перемена рода занятия — от адвокатской работы. Поэтому от стандартных дисциплин сразу отказался, а веду семинары, порой лекции читаю по специальным отраслям юриспруденции, в чем *штатные* преподаватели особо не сильны. Мой, так сказать, конек — история и практика смертной казни...

— Уй, что-то страшное, Юрий Николаевич, вы избрали,— подластилась к визави Юля.

— Да нет,— рисуясь бархатным, совсем чуточку, нарочито утомленным баритоном, успокоил Юрий Николаевич,— это специфика нашей профессии, когда следует постоянно отвлекаться от чувственной, эмоциональной стороны. Закон жесток, но это закон. По латыни *dura lex, sicut lex*. А кроме смертной казни еще с удовольствием веду семинары по основаниям римского права. Здесь тоже штатные доценты и даже те два процессора, что у нас на кафедре, не совсем верно студентов научают. От топорливости и ежегодного повторения одного и того же, скорее всего...

— Это по истории юстиции?

— Нет, Юлечка, здесь речь об основных, базовых логических формулах, что положены в основу римского права. Ну-у, это всем известное: закон не имеет обратной силы, состязательность процесса в триединстве судьи, обвинения и защиты, презумпция невиновности и некоторые их конкретизации. А я студентам своим в лоб прямо-таки почему-то забытое базовое логическое правило: во время совершения преступления закон не действует! Они в ответ — нам этого никто не говорил. А я им — пошевелите нестандартно своими мозгами: ведь весь процессуальный кодекс на этой формуле основан! От права на самозащиту и действий сотрудников органов при задержании и так далее, в моральном плане — ведение войн даже! Как все это совместить с законом, понимаемым абсолютно?

— Ой, как интересно, Юрий Николаевич! И у нас на менеджменте, хотя бы неявно, тоже похоже. Как сейчас принято говорить: ничего лишнего, только бизнес! А расскажите что-нибудь из своей адвокатской практики. Вот где интересно, да?

— Извольте, дорогая моя. Недавно защищал одного своего клиента, прямо скажу не без успеха (Димон, не видя лица рассказчика, но по интонации зрительно представил изображение притворной скромности — слегка уткнулся д'артаньяновской бородкой в воротничок рубашки, стянутой галстуком), а дело, доложу тебе, Юлечка, вообще еще не имело прецедента, по крайней мере, у нас в России.

♦ Слушая занимательный рассказ Юрия Николаевича, где увлекательная тема приятно оттенялась хорошо поставленным бархатным баритоном, в сухом тепле нарочито неярко освещенного вагона и все на контрасте со все уверенно наступающей темнотой за окном, от которой ощутимо представлялась морозящая к ночи позднемартовская погода и окрестные мчащемуся поезду невеселые окрестности с почерневшим, сгорающим днем, все более просаживающимся снегом и голыми ветвями сиротливого леса... словом, слегка прикрыв веки глаз, Димон совсем заутился: словно смотришь спокойный фильм советской поры — о Шерлоке Холмсе или о Штирлице...

А щегольский адвокат не преминул для начала повествования все же дохвалить себя:

— Вот вы, дражайшая моя, от московской подруги домой возвращаешься, а я как раз одним днем ездил в столичную адвокатскую контору, где заинтересовались *моей* защитой. Она и здесь нашумела!

— Так вас, Юрий Николаевич, могут и в Москву позвать работать? Как здорово! (Уже кое-чем умудренный в свои неполных восемнадцать лет, Димон желчно усмехнулся: бабы, наверное, еще в утробе матери предельно практически мыслят...)

— Ну-у, там посмотрим. Так вот, начало этому *громкому* процессу случилось по

прошедшей осени. Обратились ко мне общие со мной и одним известным в городе, слегка скандальным, но не по характеру, а по выбранному им *modus operandi* — это по юридической латыни значит образ действия, журналистом. С журналисткой этим я и сам пару раз в компаниях встречался, вообще много слышал — так он есть сочетание прирожденного правдолюбца и деятельного в своей профессии. Гремучая смесь! Потому неоднократно имел стычки с губернской властью имущими. Так и прошлой осенью стычка у него вышла с замом главы области. Сейчас уже оба бывшие, слышали, конечно, об уходе губернатора «по собственному желанию», а за ним и всей его команды. Статья-то предельно двусмысленная. Словом, тиснул наш журналист громобойную статейку в областной оппозиционной газетке, а вице-губернатор на него в суд за оскорбление личности и ложные обвинения, по-нашему диффамацию.

От тепла и ровно льющегося бархатного голоса Димон едва не задремал, но, вспомнив о второй банке пива, вынул ее из сумки, сделал пару хороших глотков, приободрился для дальнейшего слушания.

— ...Надо сказать, Юлечка, юриспруденция сугубо логическая вещь, все по букве закона, особенно если дело движется к обвинительному вердикту. Вот говорят в прессе, по телевидению во всех жанрах — от кинокомедий до бесед прикормившихся там «выдающихся политологов», — что-де в эпоху сталинизма, в особенно часто поминаемом тридцать седьмом году, просто так, ни за что, хватали ни в чем не повинных людей на улицах, вытаскивали из квартир «дома на набережной», сажали в «воронки», далее в застенки и приговор тройки: к стенке или на «десять лет без права переписки». ...С хрущевских времен, хотя *мы с вами* их не застали, и по сей день и далее вперед на все «светлое будущее» это день ото дня талдычат. Утюг включишь — вроде как и он о жертвах сталинизма зловеще шипит.

— А-а, разве все не так?

— Понимаешь, Юлечка, я не с политической, так сказать, а с сугубо юридической позиции рассуждаю. Надо государству — закон по всей жестокости действует, как и было в эти самые «сталинские годы», а понадобится, что и было в «золотые» советские шестидесятые-восьмидесятые, то закон и в более мягкой своей ипостаси карает. Словом, «исправленному верить», взятие на поруки, общественные суды. Это наши родители и дедушки-бабушки все хорошо помнят и забыть не могут. Но — в любой своей форме, предельно жестокой и смягченной, никто никого бессудно к стенке не ставит или на поруки товарищам не выдает: все должно по *форме закона!* А все это к тому, извиняюсь за юридический ликбез, что сейчас законы сформулированы, так сказать, расширительно. Их можно применять и со строгостью, и с послаблением. По всей видимости, когда их в девяностые годы писали, то много взяли с американцев. У них так принято исторически. Но, в то же время, большое внимание уделяется четкости формальных определений. Опять как у тех же американцев.

(Димон, особенно после пива, почувствовал некоторое уважение к юридической грамотности Юрия Николаевича).

— ...Это необходимое пояснение к делу журналиста, которого общие наши с ним друзья попросили меня защищать в суде. Я не отказался, альтруистически, понятно, откуда у оппозиционного журналиста деньги, да и процесс, учитывая вице-губернаторскую власть, заведомо проигрышный. Но — взялся по-дружески и максимум возможного на суде сделал: штрафы сейчас за диффамацию свирепые, в сотнях тысяч, а мне удалось на нижнюю планку свести, что несколько взбудорило моего подзащитного и неприятно подействовало на представителя истца; понятно дело, в области вице-губернатор есть персона малоприкасаемая и в суд за себя подчиненного чиновника посылает. Как у Салтыкова-Щедрин. Попиваем мы с журналистом коньячок вечером дня процесса, тот благодарит меня, но профессиональная злость в нем так и пышет: «Слушай, Николаич, — мы ровесники, — а нельзя ли так апелляцию по-искуснее, ты ведь у нас в области адвокатский профи высокого класса! чтобы этого «вицика» и вовсе с носом оставить?» Попробую, отвечаю, у меня и у самого спор-

тивный интерес проявился. Наутро, все другие дела отложив, даже по телефону семинар в университете отменил, обдумывать апелляцию начал, ишу в судебном деле журналиста нашего заковыки и — о, удача! эврика настоящая! У нас по традиции сейчас судьи в основном из бывших судебных секретарей производятся. То есть и судья, и ее секретарь, особенно последняя, еще не в почтенном возрасте, то есть уши их попривыкли к современной речи, особенно в телевизорах, где с каждым днем все больше американизмов. Не утомил я вас скукой юридической?

— Нет, что вы, Юрий Николаевич, так интересно-о!

◆ — Вот, по всей видимости, помощница, то есть секретарь судьи, наслушавшись новомодного словечка *фейк*, которым шеголяют не то что теледикторы, но и люди высокого чиновного ранга, и, ничтоже сумняшеся, дважды употребила его в материалах дела, не в тексте приговора, конечно, там бы судья вряд ли пропустила, но все же в *официальном документе*! И такую я, с позволения сказать, апеллящещу сотворил! — Гоголь и все тот же Салтыков-Щедрин одобрили бы. Опять же, Юлечка, ведь ты в курсе, что сейчас власть официально объявила русский язык достоянием народа и государства? И этот довод в апелляции таким железобетонным оказался, что суд высшей инстанции без возражений отменил приговор, хотя бы по формальным признакам, возвратив все на круги своя, то есть на доследование. Правильно в народе говорят «пока суд да дело», словом, власть в области поменялась, а вице-губернатору стало не до копеечного иска к журналисту; ему в пору от взяточной уголовки отмазываться... Извини, Юлечка, за жаргонизм — с кем порой общаешься, от того и набираешься.

Димон даже хихикнул от удовольствия: допитого пивка и ловкости адвоката. Вот и конец пути, состав вкатил на пристанционные пути Тулуповска и мягко затормозил у перрона. Как и входили в Москве в вагон — Димон за парой, таки вышли — сначала они, он за ними. Тем же строем шли к троллейбусной остановке. Димон отметил про себя: если сдружатся, то ненадолго, мимолетно, ибо как ни искусно Юля, а скорее всего любящая и заботливая ее мать, подбирали ей наряды, но все же в изящных с виду ее ножках, если приглядеться, присутствовал изъян не для женского гурмана: некоторая, хотя бы и на сантиметр-другой, непропорциональность длин бедер и голеней.

...На зимние каникулы следующего учебного года Димон приехал к московским родичам первокурсником Тулуповского университета по юридической специальности. Спасибо правильным пастырям!

*Всем известно ленинское определение русско-го интеллигента, хотя, между нами, девочками, говоря, и сам Владимир Ильич начинал трудовую жизнь малоудачным либералом-адвокатом. Впрочем, скоро опомнился. В наше же волшебье время интеллигент и вовсе гнойной нарост на умирающем теле национальной культуры и науки. Понятно, если он не другого пошиба, демократического... Самое существенное, что никакое время, никакие катаклизмы жизни народа и государства не изменили душевные и умственные устремления пресловутого *i n t e l l e g e n c e*: вкусно покушать три раза в день и с полдником, следовать линии партии (коммунистической, либеральной, монархической... — какая шишку во власти держит), немного диссидентствовать, с*

девками молодыми шалить. А что касается нравственного выбора, то его всегда вырывает гадание на пальцах или на кофейной гуще.

Заматерелость в преданиях, и никакой идеи.

В. О. Ключевский
«Боярская дума древней Руси»

Нынче тоскует лишь тот, кто не украл миллиона.

Н. А. Некрасов

Читатель вправе назидательно заметить нам: что это вы, любезнейший, взявшись сочинять о молодой поросли народа российского, все пишете* или об окончивших «свои университеты», а то и о собирающихся в оные поступать. А где же самые студенты — многочисленнейшая группа, то есть миллионная масса современной молодежи! Как говорится, была бы честь предложена. Вот вам и о студенте, одной из фигур вселенского *gaudeamus igitur*.

♦ Игорь Редькин, нимало не обижавшийся на свою сельскохозяйственную фамилию, завершил четвертый курс без усилий и напрягов, но и равнодушно не стремясь к высшим баллам — никакого смысла в этом не видел. И матерый доцентиче Николай Андреянович, читавший им в весеннем семестре аэродинамику крылатых ракет, что относилась по программе к спецкурсам, в отличие от общей аэродинамики летательных аппаратов, выслушав на экзамене очень даже здравые рассуждения Игоря о флаттере, то есть резонансном дрожании специфических крыльев этих ракет, спросил его: «Может тебе сто баллов поставить, как сейчас по-американски принято, а по-советски — пятерку?»

— А зачем, Николай Андреянович? На пятерку господь бог все знает. И вы, как практик ракетостроения, не один десяток лет проработавший в военном конструкторском бюро, приближаетесь к такой оценке. А мне и четверки, по американско-нижегородски восьмидесяти баллов, достаточно...

Пораженный логически выстроенной иерархией знаний, тот все же поставил умному и здраво мыслящему студенту в зачетку и ведомость девяносто баллов. Примерно так же Игорь сдавал и остальные зачеты и экзамены за четвертый курс. К общему удовольствию его и преподавов.

Студенческое прозвище *Редька* к нему еще с первого курса не приклеилось, поскольку на вопросы однокашников, нагловатых бывших старшекласников, он отвечал серьезно, что его дед, Трофим Елифанович, доживший до *миллениума* и даже до начала «мирового кризиса империализма две тысячи восьмого года», из тех солдат первого послевоенного призыва, что был отправлен в обезлюдевшую Курскую область солдатом-землепашцем одного из военных совхозов, в части организации которых Иосиф Виссарионович использовал опыт Аракчеевых военных поселений в бедных людях северных губерниях Российской империи. А в Курской и в соседних Орловской, Белгородской и ряде других областей села совсем опустели: слишком долго там немцы хозяйничали, а потом мудрый Вождь принял стратегически верное решение: заселить исконно русским народом, тем более оставшимся на погорелом месте, очищенный от татар Крым, а от пруссаков — Калининградскую область. В военкоматах по всей стране тогда комиссарами находились боевые офицеры, списанные еще в войну по ранениям и инвалидностям, то есть люди многоопытные в жизненных познаниях. Поэтому заполняя разрядки призывников по роду войск, они мудро отбирали ребят с исконно крестьянскими фамилиями по спискам в военные совхозы Средней России: пахать землю и убирать урожай в гимнастерках и галифе...

---

* Данное предупреждение для той категории читателей, которые читают не этот, отдельно взятый рассказ, но весь цикл таковых в последовательности их размещения.— Прим авт.

пока не обрастет людьми убитая в войну земля от оставшегося местного крестьянского населения. «Вот и мой дед, Трофим Епифанович Редькин, призванный с Вологодчины, прослужил положенное трактористом, женился на местной курской, там и остался. А уже отец, потом выписав деда с бабкой, был переведен в Тулуповск по своей работе — хотя и не номенклатурной особо, но специалисты тогда приказу подчинялись». После такого пространного объяснения все замолкали и прозвище овощное напрочь забывали. Не приклеилось.

Отец, успешно начавший в самые молодые годы, после окончания института, работу (слово *карьер*а он и сейчас полагал паскудным) в части геодезии и картографии, и сейчас успешно продолжал ее в Тулуповске по государственному ведомству в полном расцвете сил, заматеревши, воспитав трех детей, Игорь младший — последний, как любовно называл его дед Трофим Епифанович. Мать успела в последний год «ухватить» пенсию еще по советским меркам, сейчас вела домашнее хозяйство в собственном доме на ближней окраине города. Не вынося многоквартирных муравейников, в самом конце восьмидесятых глава семьи, Василий Трофимович, с еще бодрым Трофимом Епифановичем соорудили для семьи поместительный дом. Благо в Тулуповске с его двумя металлургическими заводами стройматериала для добротных и теплых зимой, прохладных летом литых шлакоблочных зданий имелось предостаточно — плата только за вывозящие с отвалов шлак самосвалы.

В девяностые и нулевые годы разгула мелочного частнособственничества — подготовки субординированного олигархата — в «пентагон», по принятому во всем городе наименованию корпуса, в котором базировались военно-технические специальности, шел, причем без всякого, даже символического конкурса, самый захудалый, троечный абитуриент с совершенно безлошадными родителями. А после окончания через пень-колоду обучения все эти безлошадные тройбанисты шли в магазинные приказчики и офисные криветки. В «пентагоне» обучение бесплатное...

Когда же в начале второй половины две тысячи десятых годов на специальность ракетостроения поступал Игорь, то ситуация в «пентагоне» заметно изменилась. В стране, где почти четверть века целенаправленно — с подачи кого надо через агентов влияния — разрушался и добывался бывший мощнейший в мире военно-промышленный потенциал, вдруг вспомнили слова Александра Третьего про единственных союзников России: ее армию и флот. Ну-у, флот дело долгое и очень дорогое, а вот в части сухопутной армии, авиации и ракетных войск можно было и спохватиться не на пустом еще месте. Во-первых, героическими усилиями виднейших генеральных конструкторов удалось спасти значительную часть крупнейших оборонных исследовательских и серийных промышленных предприятий. Во-вторых и в главных, в архивах этих предприятий сохранилась — с запасом опережения натовцев до двадцатых-тридцатых годов — техническая документация, а в испытательных цехах опытные образцы потенциальных новейших разработок.

Поскольку же за минувшую четверть века разрухи прежние, матерые оружейные кадры исследователей и разработчиков поизносились, на пенсию с отвращением ушли, а в основном не пожелали оцифровываться, переходить от карандашей и кульманов с ватманскими листами к компьютерным «автокадам», «маткадам» и прочему, то в значительном числе потребовались и новые, не с кондачка подготовленные кадры.

...И в Тулуповске усилиями невероятными, благо характеры сформировались в прямой временной связи со сталинскими установками, академиком Гусаковым сохранилось в рабочем состоянии одно из первейших в стране ракетно-пушечное исследовательско-конструкторское объединение, а другим всесоюзно, потом всероссийски известным начальником и главным конструктором — того же ранга предприятие по более специализированному типу оружия. Для пополнения их инженерными кадрами скоренько подтянули «пентагон»: вместо тройбанистов с офисно-торговым прицелом начали привлекать — гарантированным трудоустройством на серьезных

предприятиях с вполне реальной оплатой — более серьезных ребят. И родители абитуриентов вспомнили те, не столь уж далекие времена, когда весь Тулуповск трудился на оборону, да и сами они, в практическом плане ныне рано взрослеющие, соображали: время мелких лавочек и офисов «купи-продай» проходит стремительно — власти для своей поддержки они уже в массовости своей не потребны. Значит, есть смысл ориентироваться на восстанавливаемую военную промышленность, хотя бы в «пентагоне» учиться шесть лет, а базовые дисциплины там в основном физико-математические.

Отчасти и по таким соображениям Игорь Редькин, учась в школе изрядно, как по-гимназически говорили персонажи русских классических романов, поступил на «пентагоновскую» специальность; но он и самоличней, не зависящий от общественных веяний, пункт имел: словно в генетическую компенсацию деду Трофиму Елифановичу, служившему солдатом-пахарем в курском военном совхозе, и отцу, вообще не служившему (кафедра военной геодезии и картографии не в счет) по причине учебы в институте, его с детских лет тянуло к оружию. Не в смысле стрелять-фехтовать, но изготавливать его. Рогатки, луки детства, а затем появившееся изобилие китайской игрушечной милитаризации — все это занимало Игорька, затем Игореху по-дворовому, в части устройства и принципов работы.

Поэтому выбору факультета и специальности никто не удивился в доме — родители и брат-аспирант — и вне его, то есть замужняя сестра, самая старшая из детей Василия Трофимовича и ее супруг, жившие отдельно, и весь круг знакомых Игоря, включая школьных одноклассников.

♦ Память Игорь — потому в школе и в университете учился не напрягаясь, но хорошо — имел отменную с детско-отроческих годов. Поэтому, когда в узком пацановском кругу, еще не до конца отменном компом, кто-то затевал брэнчать на гитаре и подпевать из вечного дворового навроде «В кейптаунском порту, с пробоиной в борту, «Жаннета» поправляла такелаж», то Игорь, занятый чем-то совершенно иным, мимоходом поправлял: «С какао на борту». И никто не возражал. А если иной Фома неверующий просил разъяснить, тот охотно и рассудительно это делал: «Речь в песенке идет о судах явно торговых, поэтому с пробоиной не вяжется никак. А парусные суда имели сложное, даже капризное хозяйство, поэтому требовали поправки такелажа перед каждым длительным переходом — здесь же везти груз какао-бобов из Кейптауна в Европу в огиб всей Африки. Это не фунт изюма!»

Доцент Николай Андреевич, ставший с четвертого курса, с которого собственно и начинались его дисциплины у студентов-ракетчиков, особо примечать Игоря Редькина, как-то заметил ему: «Ты вот просто Игорь сейчас, а у меня имеется давний, еще со времен «Меткости», друг, тоже Игорь, но с обязательным отчеством Васильевич, ибо всевозможный заслуженный и почетный, обладатель неоднократных ученых степеней и званий. И память у него абсолютная, то есть он все помнит с пятилетнего возраста: слышанное, самим сказанное и увиденное. Даже осязательная и вкусовая память у него в абсолюте! Например, он помнит вкус советского производства пива, которое делали естественным брожением с циклом шестьдесят дней. А потому уже почти тридцать лет, с кончины нашей родной и так далее, не берет в рот ни единой капли того скороспелого, в шесть дней забурльживаемого, напитка, что именуют пивом. На самом деле — это недобродивший солод с добавлением химически произведенного спирта, всяких ароматизаторов и консервантов, а также закачанного — для пены — углекислого газа. ...Впрочем, по той же вкусовой памяти твой тезка по имени не употребляет вин. Все они порошковые, какие бы цены и этикетки к бутылке не были приставлены. Это как в «Бесприданнице» Островского, что вашему поколению более известна как «Жестокий романс» михалковский: дескать, сударь, по восемьдесят копеек бутылки кругом, а наклейки какие пожелаете наклеим. Ну-у, это все к слову, к примеру, а у тебя, не берусь по твоей молодости судить о винно-пивной памяти, но в научном плане таковая отменна!»

Игорь, конечно, уловил в похвальном его памяти монологе, что случился в преподавательской, куда он, как староста группы с первого курса, за пятнадцать минут до начала занятия зашел за семинарскими методичками, причину своеобразной трактовки абсолютной памяти: от матерого ракетного доцента слегка попахивало. Да он и сам ненароком оговорился, что с утра заходил к профессору Скородумову поздравить того с лауреатством почти безденежной, но ценимой в широких научных кругах премии...

Другая, уже обоюдная, не монологичная, беседа интересующегося мыслями и нравами современного юношества доцента с запомнившимся ему неординарным мышлением студентом состоялась на предэкзаменационном зачете. По неписанным, еще с советских времен, правилам студенческой жизни староста группы завершал зачеты и экзамены. Здесь сочетались и армейские традиции, созвучные с военной спецификой «пентагона» (по-чапаевски: в обороне командир с биноклем в тылу дивизии), и штатский либерализм: все равны, староста не выпячивается своими знаниями... равно и незнаниями. Худо-бедно, со скупыми поощрениями Николая Андреевича, чаще с необходимыми его смешками и словесными подковырками, группа «зачлась». Игорю он подмахнул роспись в зачетке после пары вопросов на смекалку.

— Смекалка, дорогой мой,— благодушествовал доцент, явно не торопящийся, в два часа пополудни заседание кафедры, домой на обед, хотя и рядом живет, особого смысла идти нет,— в нашем *с тобой* инженерном деле суть интуиция мышления, на которое накладывается вся громада приобретаемого годами и десятилетиями конструкторского опыта. Но вот с твоей точки зрения: осталось ли место этой смекалке-интуиции в современной инженерной практике?

— Можно говорить, Николай Андреевич, без казенных словосочетаний?

— Конечно, конечно. Я ведь не советский парторг и не нынешний чиновник на официальном приеме у губернатора. Опять же всем в «пентагоне» известно, что я не профессиональный, как говорится, преподаватель, а пришел, по словам классика «пора на пенсию, в сенат», из военной промышленности. Так сказать, от кульмана и испытательного стенда... еще от язвительных неудовольств сурового, но справедливого академика Гусакова, в своем роде морального садиста, и отборной матерщины — в качестве обыденного разговорного языка — цеховых начальников и знающих себе цену работяг-уникумов...

— Я вас понял, Николай Андреевич. Вы имеете в виду стремительное оцифровывание всех инженерных работ и интернет?

— Во-во, Игорь Васильевич гордится изобретением нового слова *цифрофрения* — метко, по-нашему, по-оружейному! Так сказать, новая версия доброго старого русского мата. Итак?

— За себя могу сказать: всячески сопротивляюсь возможной утрате интуиции. Не хочется стать приложением к интернету, в смысле — брать уже готовые решения, а еще проще говоря — совсем отказаться от использования своей памяти, как оперативной, так и основной, подсознательной.

— Это сейчас в школьной биологии про виды памяти так просвещают?

— Нет, там все на тестовую зубодолбежку переведено. Читаю много. И брат аспирант в педуниверситете, диссертацию сочиняет по психолингвистике. Вообще-то он сугубый современный практик. Степень нужна для карьеры чиновника. Он это вовсе не скрывает. Но — далеко не дурак. Таковых у нас в семействе не наблюдается.

— И как соотносятся эти два вида памяти — я-то от Игоря Васильевича, это его конек, все знаю, в интернетовском оцифровывании?

— Очень просто, Николай Андреевич, соотносится. Оперативная память замещается справками из интернета, вплоть до мелочей: от правильного написания слова до формулы квадрата суммы двух чисел. То есть этот вид памяти в итоге суживается для указания пальцам рук нужных клавиш клавиатуры. Творческая же, под-

сознательная память и вовсе уходит в виртуальную реальность уже готовых компьютерных программ.

— Ну-у, батенька, как вы радикально с живым-то человеком разделяетесь! — восхитился Николай Андреевич, но в том же ключе еще минут двадцать побеседовал с оригинально мыслящим студентом, посоветовав тому стать читателем журнала, редактируемого профессором Скородумовым.

♦ Оба живших в семье брата Редькины, аспирант и студент, понятно дело, работали. Аспиранту по нынешним временам было бы дико на шее у родителей сидеть. Игорю же отец, как значимый в области специалист, преимущественно по кадастровой части, необитаемый по окладу и иным легальным источникам, неоднократно предлагал «не отвлекаться от учебы, что у нас на прокорм и даже определенные карманные не хватит?» но и сам понимал: времена совершенно отличные от его студенческих бытований. Если в его студенчестве подработка являлась «поддержанием штанов» и совестливостью напрягать, будучи здоровенным лбом, родителей — то есть отягчающим, всего лишь сопутствующим основной учебе занятием, то на примере своих уже детей в годы их студенчества четко осознавал, что это уже поколенный образ жизни, когда *работа* заменила *труд*. Василий Трофимович в недурственной своей памяти (было в кого Игорю с его «абсолютом» пойти!) как-то не зафиксировал времени и ситуации, когда он, глядя на своих детей и молодых сотрудников по своей службе, пришел к открытию для себя разницы между трудом и работой. Толчком же послужила... рыбалка, основное и, пожалуй, единственное его увлечение-отдохновение. Благодное («ее же и монаси приемлют», в смысле вкушают рыбу вместо мяса) это занятие дарует человеку уйму времени для неторопливых размышлений, в которых прошлое наслаивается на будущее, усредняясь в настоящем. Во время священного акта ужения плотвичек, что шли на баловство домовому коту, и задумался Василий Трофимович на тему сопоставления: почему в советское время слово *труд* заметно теснило вроде бы аналогичную по сути *работу*? Что и в официальных документах присутствует. Супруга его, как любая женщина, серьезно относящаяся к своему здоровью — дай, бог, и дальше вовсе не хлипкому! — тоже заметила, случайно заинтересовавшись: «А что это, Вася, раньше в больничных писали «Приступить к труду (с такого-то числа)», а сейчас ставят слово «к работе»?»

И на очередной субботней рыбалке сам-один, компаний здесь с обязательными «выпили-закусили», хотя бы в жизни стопку мимо рта не проносил, Василий Трофимович не терпел, его озарило, как открывателя-самоучку. Ведь работа — от слова *раб*, а труд есть осмысленное, в чем-то всегда творческое содержание жизни? — Получалось, что так оно и есть.

Игорь, став подрабатывать, как и все его сокурсники, с самого начала университетской жизни, вряд ли отделил в памяти слова отца, в какой-то семейный праздник под тост сказанные. Именно — не отделил, то есть не обратил нарочитого внимания. Да и не требовалась ему такая подсказка — осознание содержания вспомогательного к учебе занятия само собой и понималось именно как кем-то и чем-то неизвестным установленное, необходимое по определению «вычеркивание» из своей жизни стольких-то часов в день. А поскольку это приносило усталость, то, значит, такое же «вычеркивание» организменных сил. И далее он развивал мысль: удовольствие эта самая работа (в интернете, с компьютером — как у всех), какого-то удовлетворения не приносит; от денег, конечно, никто не отказывается, но особо они им и не востребованы. Деньги, как самоцель, под иной, нежели у него, да и всех его семейных, характер «деланы». Даже иной чем у Остапа Бендера — для сына турецкоподданного таковые тоже являлись не самоцелью, но всего лишь средством. И нынешняя реклама в теляшике клеветает на Остапа Ибрагимовича, заявляя в ролике, что-де Бендер являлся первым продюсером гениальных проектов, и в наши дни его имя возглавляло бы списки журнала «Форбс»... Нет, деньги для Игоря не самоцель, а по большому

счету даже и не средство. Получается, что именно сейчас в самой полной мере сбывается библейское проклятие первочеловеку: работа (а не творческий труд!) есть немотивированное ярмо человеческое. Первые две книги Ветхого Завета он со вниманием прочел еще учась в девятом классе — в доме имелась староизданная библия; как оттиснуто на титульном листе: «В русском переводе. 2-е Синодальное издание». Ее дед Трофим Епифанович, призванный и направленный в курский военный совхоз, обнаружил на чердаке пустого дома, в котором поначалу расквартировали его отделение...

До одиннадцатого класса Игорь пользовался интернетом и «гэджиками» — с язвительного языка Василия Трофимовича — как и все остальные, не задумываясь, не восторгаясь, но и не порицая все более и более новые разработки Силиконовой долины и их китайскую штамповку. Полагал: так надо, но кому надо? — не задумывался. Тот же поплевизм. Но в выпускном классе, когда его невидимая глазу белая ворона, пролетая по своим орнитологическим делам, слегка задела крылом, и задумчивость пришла: конечно, научно-технический прогресс со времен средневековых мануфактур (а на втором курсе уже с наслаждением читал в первом томе «Капитала» любовное описание Марксом таковых) неотменим и до появления радио, телевидения, вычислительных машин вроде бы никаких возражений и сомнений не вызывал. Бабушка с антресолей с керосиновой лампой из сочинения одесских классиков не в счет.

Но ужасающее ускорение последних лет в оцифровывании человечества, причем глобального, вызвала в голове старшего школьника Игоря Редькина какой-то ступор, что продлился до второго университетского курса. Здесь на него напала — после окончательной размолвки со Светкой, первой юношеской любовью — читательская лихорадка по естественным наукам. Благо он напал в интернете на каталог московского научного издательства, что специализировалось в последние двадцать лет на издании книг западных, преимущественно английских и американских, современных или почти современных, светил этих наук. Самое главное, все эти нобелисты и близкие (по своей относительной молодости) к ним ученые умели замечательно писать для широко образованного читателя ясным, но объективно научным языком. Наши высококобые только начали осваивать такую манеру изложения. Часть таких книг он нашел в университетской библиотеке, иные, насколько позволяли «стукнешь по карману — не звенит», покупал через книгу-почтой. В Тулуповске все книжные магазины закрылись ввиду полной утраты спроса «на бумагу», а Москву с недавних пор стал полагать совсем другим государством, неудобным даже для дневного пребывания в «городе желтого дьявола».

Результатом такое целенаправленной читательской лихорадки и стало преодоление затянувшегося на годы ступора. Игорь пришел к точным по формулировкам выводам, сам-для-себя рекомендациям. А именно: традиционный человек обречен на перевоплощение в электронную, цифровую копию. А раз так, то в своей жизни, в которой с керосиновой лампой на антресолях не отсидишься — Василий Трофимович из того времени, когда последние поколения студентов наизусть цитировали страницы книги об Остапе Бендере, изустно в хорошем настроении пересказывал ее своим детям, — то следует усилиями воли сохранять человеческое, творческое мышление, хотя бы оно и есть «архитектурное излишество» для современного бытия; «человек — это звучит гордо!» в то же время, хотя бы и с брезгливостью, по необходимости нести на себе оцифрованное бремя.

...Через благоволящего к нему Николая Андреевича Игорь был представлен своему тезке — по имени — профессору Скородумову и стал его молодым научным коллегой. А главное, на первом году инженерной работы встретил основную в своей жизни, уже непреходящую любовь. Сказке ли конец? — но для его возраста это стало ее началом.

Доцент философии Енукидзе не любил частной собственности. Чужой. Своей же не имел по причине низкой зарплаты и благодушной лени характера, хотя и был родом с предприимчивого Кавказа, точнее — Закавказья. Короче говоря, обрусел уже в третьем поколении, а истинный православный русский человек на эту самую собственность прибор положил... Нынешние идеологи объясняют такое странное свойство пресловутым, принудительным коллективизмом: замкнутые в глухих лесах роды племен вятичей и древлян, крестьянская община при крепостном праве и после него вплоть до Столыпинных реформ и революций; наконец, силой загнанные в колхозы-совхозы. Но зачем же сдвигать мотив на цель, как говорят философы, — ведь и в Европе была схожая история, но коллективизмом там не пахло и вовеки на запахнет. Все дело в православии, которое русские приняли, как дети, всей душой, а православное христианство напрочь отвергает частную собственность.

...Иногда снилось доценту Енукидзе, что он юн и с братишкой Гогой работают в сельской кузне: плавят, куют, вытачивают. Любо-дорого посмотреть на них со стороны! И самим весело, хотя и жара банная от горнового пламени, от раскаленного инструмента и остывающих поковок.

Проснется доцент, потянется в постели, заулыбается. И тут же заураюмится: «Вот-вот, так эта зараза и затягивает. Хорошо детям играть в кузнецов. А подрастут, женятся, и бабы алчные стравят их с Гогой на почве дележа прибыли, топоры в руки возьмут. В итоге — один на вечный покой, другой — лес валить в Коми-республику...»